

* * *

что слова – сиротство. пустуют гнёзда.
беспощадна осень, но злей зима.
из стеклянных нитей холодный воздух,
выйдешь в ночь на ощупь, худа сума.
словно странник набожный посох держишь
и бредёшь к трамваю поверху вод.
поначалу зол, грубоват, осержен,
а потом осадисься:
– что ты? вот
лёт луна на землю сироп лимонный,
и блестит седеющая трава.
а по полю звёздному – анемоны,
смотришь в глубь небес, взгляд не оторвать!
и на миг почудится:
вот он, рядом,
шелестит тяжёлым своим крылом.
в душе твоей – и покой, и радость
оттого, что за руку ты ведом.

* * *

за ощущением зимы
является иное чувство.
мы здесь зимой не прощены
за то, что в признаках искусства

не нами осязаем след
всего холодного, и льдистый
над головами неба свет...
дрожащий ветер гладит пристань

замёрзшую. река хрипит
простывшим горлом, стынет прорубь
без рук рыбацких. аппетит
над ней нагуливает голубь.

а тишина такая, что
озноб душевный возникает.
но, слава богу, в час шестой
выть начинает пёсья стая.

* * *

вот кукольные домики стоят
как будто декорации из фильма
мне кажется их ровно пятьдесят
покрытых придорожной серой пылью
в черешневых подтеках край стены
к которой прислоняются статисты
слегка расслаблены обречены
сгореть под солнцем ярким и когтистым
игрушечные боги синева
полощет горло сплевывая в воду
в сухом остатке глупые слова
о вере о бессилии не отдан
обол последний тихая река
пытается за берег зацепиться
у лодочника лёгкая рука
и блёклые от старости ресницы

* * *

ты – просто текст. набор лексем.
страница из молитвослова.
регистр звука. низкий тембр,
который осенью взволнован
нахальной лисьей красотой
и видом рыжего фасада.
изящной ножкой городской,
небрежно брошенным
– так надо.
губами терпкими, как сок
перебродившей винной вишни...
курсив,
что лёг наискосок.
на белый лист
– прости, так вышло.

* * *

натюрморт в стиле ретро. простыло
голубое осеннее утро.
дышит ветер деревьям в затылок,
треплет рыжие пышные кудри.

по периметру рамы – квартира,
за тяжёлыми шторами – город.
край небес по-хозяйски застиран,
коридоры меж стен, коридоры,
не дающие выйти наружу,
не дающие ветру ворваться.
тихий быт лет как сто отутюжен.
глянцевитый поток иллюстраций
за окном шелестит беспокойно.
там опять без тебя бродит осень,
кистью краски наносит послонно.
не пытаюсь – отринуть, отбросить,
что годами,
как тяжесть
копилось...

топит в воздухе парочку вёсел
время-лодочник с яростной силой.

* * *

застанешь краешек небес,
ещё не омрачённых снегом.
вот ковыляет ветер без
подручных немощных, а следом

за ним торопится декабрь –
последний ставленник. сороки
трещат упорно. старый граб
стоит сутулясь у дороги.

ты говоришь
– о чем писать?
наверное, о дне холодном,
в котором голосиста рать
воронья рядом с колокольней.

штaketник серый валит бок,
как будто милостынню просит
у человека. на замок
закрыт предел церковный. восемь

минут проходит, прежде чем
я выхожу на свет из арки.
где обретает время темп,
являя мир живой и яркий.

* * *

стоять и слушать поезда,
их расписание живое,
колёсный стук туда-сюда.
стоять и чувствовать.

другое
здесь время.
соразмерный звук
душе,
стремящейся повсюду,
увидеть сферы полукруг.
и ощутить,
как мал и узок
периметр жёсткий,
где вокзал
перекликается с перроном.

– о бытии ты всё сказал,
теперь – о божестве эталонном.

и шум, и гул, и тишина,
всё существующее – вечно.
холодных стоек белизна
на фоне речи человеческой.
спешащих
окрыленный взгляд,
их вера в ручку чемодана.
всего дотронуться –
гудят
густые воды иордана.
и начинается отсчёт
эпох других,
где дым белёсый
от неизбежного спасёт...

туда-сюда
стучат колёса.